

Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова.

IX. И. А. Гончаровъ—сотрудникъ газетъ ¹⁾.

Однако Иванъ Александровичъ не былъ такъ глубоко погруженъ въ обывательскія заботы, какъ позволяла бы предполагать большая часть вышеприведенныхъ писемъ къ редактору „Голоса“. Читатель могъ уже убѣдиться, съ какой живостью и искренностью Гончаровъ отозвался по поводу празднества въ честь учрежденія московскаго университета и по поводу трехсотлѣтней годовщины Шекспира. Последнее его письмо, отъ 9-го марта 1865-го г., въ которомъ онъ посылаетъ статейку „о собакахъ, о птицахъ и о грязи“ и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ непритворный интересъ къ предполагаемому празднику въ честь Ломоносова, является какъ бы переходомъ къ другимъ его анонимнымъ замѣткамъ въ „Голосѣ“ болѣе возвышеннаго содержания. Въ замѣткахъ этихъ можно узнать восторженнаго студента тридцатыхъ годовъ, который шелъ за Карамзинымъ „по горячимъ его слѣдамъ“ ²⁾ и молодого чуткаго гостя Майковыхъ, въ кругу беллетристовъ и художниковъ увлекавшагося красотой во всѣхъ ея видахъ, который и самъ между прочимъ, когда-то, „точь въ точь какъ Райскій“, занимался живописью ³⁾.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, 1911, кн. 10, стр. 34—62 и кн. 12, стр. 491—499; 1912, кн. 3, стр., 549—568.

²⁾ Слова Гончарова въ его автобіографіи, напечатанной въ „Русскомъ Художественномъ Листкѣ“ Тимма за 1859, № 14.

³⁾ См. воспоминанія И. И. Ясинскаго въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, 1898 г., т. LXXI, стр. 568—571.

25 апрѣля [1865 г.].

„Участвовать въ праздникѣ Ломоносова“ я разумѣлъ обѣдать и только, или, пожалуй, присутствовать на обѣдѣ, какъ подобаешь всякому грамотному русскому. Распорядительною же способностью я не обладаю, и едва ли найдется какая-либо роль мнѣ по зубамъ; даже билеты раздавать не могъ бы, ибо почти никуда не хожу, и ни съ кѣмъ не вижусь, поэтому билеты оставались бы у меня на рукахъ.

Если же являться въ учредительныя собранія для совѣщаній, то я не считаю себя въ правѣ расходовать мудрость, которую обязанъ блюсти всецѣло, какъ пѣвецъ блюдетъ голосъ для сцены, но которую ангажировалъ для Совѣта ¹⁾, коего состою членомъ. Что же я стану тамъ дѣлать, скажите на милость, да еще утромъ, когда надо заниматься, потому что по вечерамъ глаза плохо видятъ?

Между прочимъ скажите, пожалуйста, будетъ-ли приглашено духовенство къ участию въ праздникѣ: безъ него, т. е. безъ духовенства, кажется, праздникъ Ломоносову немислимъ.

Меня просили нѣкоторые, и между прочимъ Н. В. Варадиновъ ²⁾, сказать имъ, какъ, гдѣ и когда записаться на обѣдъ. Будетъ-ли объ этомъ объявленіе?

До свиданія! Если поспѣю, то загляну сегодня въ собраніе изъ любопытства ³⁾.

Вашъ
И. Гончаровъ.

[1866 г.]

Я вчера говорилъ Князю Вяземскому о желаніи Вашемъ, Андрей Александровичъ, напечатать стихи его въ *Отечественныхъ Запискахъ* ⁴⁾, на что онъ и соглашался, только спросилъ — „когда же, скоро-ли это будетъ“, а потомъ прибавилъ, что вѣроятно стихи будутъ напечатаны въ *Сѣверной Почтѣ* ⁴⁾. Больше ничего и не было ска-

¹⁾ Т. е. для Совѣта Министра по дѣламъ книгопечатанія.

²⁾ Членъ Совѣта Министра по дѣламъ книгопечатанія Николай Васильевичъ Варадиновъ.

³⁾ Гончаровъ записался на обѣдъ въ честь Ломоносова и праздновалъ юбилей вмѣстѣ „съ пишущей братіею“. См. письмо Н. П. Грота къ П. А. Плетневу отъ 8-го апрѣля 1865 г.: „Стихи читали Майковъ, Полонскій, да за Розенгейма—Гончаровъ“ („Переписка Я. А. Грота съ П. А. Плетневымъ“, т. III, Спб., 1886, стр. 698).

⁴⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

зано, но сегодня въ Сѣверной Почтѣ напечатаны только отрывки изъ его стиховъ ¹⁾: поэтому можно судить, что всѣ они тамъ напечатаны не будутъ.

Нѣтъ-ли у Васъ кого-нибудь, черезъ кого бы Вы могли выпросить ихъ у него, въ виду того, что онъ не прочь былъ напечатать стихи у Васъ?

Это вѣроятно можно бы было сдѣлать завтра, на литературномъ ²⁾ вечерѣ, гдѣ вѣроятно будетъ князь Вяземскій, или не напишете ли Вы ему письмо объ этомъ?...

До свиданія!

Вашъ

И. Гончаровъ.

Пятница.

Можетъ быть, если будетъ досугъ, я передѣлаю читанную Вамъ замѣтку мою о Карамзинѣ и завтра къ вечеру пришлю (если передѣлаю), чтобы, если Вы найдете еѣ подходящею, можно было напечатать ее послѣ завтра.

[1866 г.]

Вчера я хотѣлъ зайти къ Вамъ самъ, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, но меня удержала простуда: я просилъ Барышова ³⁾ передать Вамъ свою мысль о праздникѣ Карамзина, которую я заявилъ недавно лично Ковалевскому и Некрасову, и они хотѣли переговорить объ этомъ съ Анненковымъ и Гротомъ. Между тѣмъ вчера же я набросалъ эту мысль въ видѣ *замѣтки* ⁴⁾ и прилагаю ее для *Голоса* ⁴⁾ (если можно завтра), предоставляя Вамъ ее какъ-нибудь дополнить, если нужно. Но при этомъ прошу Васъ принять во вниманіе то, что можетъ быть уже распорядители, т. е. Анненковъ и К^о и сами подумали сдѣлать что-нибудь для Карамзина особенное, въ такомъ случаѣ, не найдете-ли Вы эту замѣтку лишнею—если такъ, то не печатайте ее, чтобъ она не была помѣхой. Впрочемъ, какъ заблагоразсудите, только сохраните мое инкогнито. Я подписался *любитель литературы* ⁴⁾,—такъ и прошу оставить.

Не знаю, устыдятъ-ли распорядителей Ковалевскій и Некрасовъ, а въ томъ видѣ, какъ задумывали распорядители—это ни на что не похоже.

¹⁾ „Сѣверная Почта“ 3-го декабря 1866 г., № 259, стр. 2—3: стихотвореніе кн. Вяземскаго подъ заглавіемъ: „Тому сто лѣтъ...“

²⁾ Такъ въ подлинникѣ.

³⁾ Т. е. Ефремъ Ефремовичъ Барышевъ. О немъ см. на слѣдующей страницѣ примѣч. 1.

⁴⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Я боюсь, что, прочтя эту замѣтку, распорядители уже изъ самолюбія заупрямятся и не захотятъ ничего измѣнить—ну какъ хотятъ, а, мнѣ кажется, такъ праздновать Карамзина юбилей, какъ они захотѣли, судя по газетамъ, просто не прилично: лучше ужъ ничего не дѣлать.—Не только одна [но] и двѣ ласточки (Костомаровъ и Майковъ) весны не сдѣлаютъ.

До свиданія!

Вашъ

И. Гончаровъ.

Понедѣльникъ.

Сейчасъ пришелъ Барышовъ¹⁾, когда я дописывалъ письмо, и сказалъ, что Вы поддерживаете мою мысль—и я спѣшу отправить къ Вамъ замѣтку²⁾. Я бы повидался съ Вами лично, но вѣдь не въ положенный день къ Вамъ не пустятъ, а если понадобится, то скажите когда, я приду, а самъ я часа въ 2 и 3 утромъ всегда дома.

Замѣтка Гончарова появилась въ „Голосъ“ 23 ноября 1866 г., № 321, стр. 1. Она озаглавлена „Замѣтка по поводу юбилея Карамзина“ и, по желанію автора, подписана: „Любитель литературы“. Приводимъ ее здѣсь цѣликомъ:

22-го ноября.

„Въ газетахъ кое-гдѣ упомянуто было о предстоящемъ празднованіи юбилея Карамзина, со дня рожденія котораго минетъ въ декабрѣ столѣтіе. Судя по краткимъ, мимолетнымъ извѣстіямъ газетъ, празднованіе это ознаменуется довольно скромнымъ и только приличнымъ случаемъ торжествомъ. Одинъ день посвящается собранію въ академія наукъ, другой—въ университетѣ и, наконецъ, общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ дастъ литературный вечеръ: въ извѣстіяхъ упоминается, что въ чтенія на этомъ вечерѣ будутъ участвовать г.г. Костомаровъ и Майковъ. Вотъ и вся, извѣстная публикѣ программа торжества. Между тѣмъ, юбилей въ память Ломоносова отпразднованъ громко, великолѣпно, достойно родоначальника русскаго просвѣщенія. Празд-

¹⁾ Ефремъ Ефремовичъ Барышевъ, авторъ поэмы „Еврей“ (1837) и стихотворныхъ переводовъ съ англійскаго и французскаго языковъ, сотрудникъ „Отечественныхъ Записокъ“ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, переводчикъ въ одномъ изъ департаментовъ Министерства Финансовъ. О немъ см. „Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ“ С. А. Венгерова, т. II, Спб., 1891, стр. 209—210.

²⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

никъ обошолъ всю Россію, повторился, болѣе или менѣе торжественно, въ разныхъ пунктахъ нашего отечества, гдѣ только мысль, наука и слово находятъ почитателей и послѣдователей.

Скажутъ, что Карамзинъ не Ломоносовъ: онъ не начинатель великаго дѣла просвѣщенія въ Россіи, не гений-самородокъ, открывшій собственными силами русскому духу и уму доступъ въ область знанія и мысли, и т. д. Такъ; но кому же, послѣ Ломоносова, принадлежитъ большая доля дѣятельности въ совершеніи подвига, начатаго Ломоносовымъ, какъ не Карамзину, проводнику знанія, возвышенныхъ идей, благородныхъ, нравственныхъ, гуманныхъ началъ въ массу общества, ближайшему, непосредственно дѣйствовавшему еще на живущія поколѣнія двигателю просвѣщенія? Воспоминанія о немъ, какъ о писателѣ и какъ о благородной, свѣтлой личности, еще живутъ въ современномъ обществѣ, ему принадлежатъ наши живыя симпатіи—и общество, толпою стекавшееся на торжество въ память Ломоносова, конечно, поспѣшило бы и на этотъ, болѣе близкій сердцамъ нашимъ, праздникъ.

Пусть академія наукъ и университетъ почтять въ стѣнахъ своихъ память учоныхъ заслугъ знаменитаго исторіографа, сохраняя обычный строгій характеръ учонаго торжества. Этотъ праздникъ, и по официальнойности характера, и по тѣснотѣ помѣщенія, созоветъ относительно немногочисленныхъ почитателей учоныхъ заслугъ Карамзина; но гдѣ же и когда соберется образованная масса публики, обязанная благотворному вліянію на нее Карамзина, не только какъ учонаго, но вообще, какъ всесторонняго писателя, какъ человѣка, многимъ еще лично памятнаго, какъ общаго нашего наставника?

Вся надежда на такой праздникъ могла бы сосредоточиться на предполагаемомъ вечерѣ литературнаго фонда. Мы не знаемъ, будетъ-ли этотъ вечеръ ознаменованъ чѣмъ-нибудь особеннымъ, что сдѣлало бы его непохожимъ на обыкновенные литературные вечера, какіе даются всякую зиму нѣсколько разъ и вскорѣ забываются. Пока изъ газетъ извѣстно только, что будетъ данъ вечеръ съ участіемъ г.г. Костомарова и Майкова. Участіе этихъ заслуженныхъ литературныхъ дѣятелей, конечно, необходимо и дорого въ подобномъ торжествѣ, но нельзя не сознаться, что это слишкомъ мало. На праздникъ въ память Карамзину должна присутствовать вся наша литература, и если физически невозможно участвовать чтеніемъ всѣмъ лучшимъ дѣтелямъ, то могли бы участвовать многіе, хотя бы понемногу. Нѣтъ надобности читать большіе отрывки или цѣлыя поэмы; но значеніе и характеръ праздника требовали бы,

чтобъ большинство писателей, начиная съ старѣйшихъ до новѣйшихъ, публично принесли каждый свою лепту въ память нашего просвѣтителя.

Казалось бы справедливымъ, чтобъ и на этомъ вечерѣ, какъ на праздникѣ Ломоносова, всѣ присутствующіе въ городѣ литераторы столпились единодушно, забывъ разность литературныхъ эпохъ, направленій и оттѣнковъ, около увѣнчаннаго бюста юбиляра, начиная съ ветерановъ литературы съ ближайшимъ сподвижникомъ и другомъ Карамзина, княземъ Вяземскимъ во главѣ, съ Ѳ. Н. Глинкою, И. И. Лажечниковымъ, Н. И. Гречемъ, Тютчевымъ, нашими извѣстными историками, журналистами и прочими писателями, и кончая недавно выступившими на литературное поприще.

Желательно было бы также слышать съ эстрады чтеніе изъ сочиненій Карамзина устами его сына, который не отказался почтить участіемъ своего знаменитаго имени память Ломоносова. Можетъ быть къ этому литературному торжеству, также какъ на Ломоносовскомъ юбилеѣ, присоединилась бы музыка: ни въ стихахъ по этому случаю, ни въ переложеніи ихъ на музыку, ни въ исполненіи, препятствія, вѣроятно, не встрѣтилось бы. Дворянское собраніе, конечно, опять гостепріимно открыло бы залы своего дома, смѣло можно сказать, безчисленнымъ гостямъ, которымъ дорого имя Карамзина.

Но можетъ быть, распорядители карамзинскаго юбилея, пока мы пишемъ эти строки, уже пашли способъ ознаменовать предполагаемый вечеръ чѣмъ-нибудь выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ литературныхъ вечеровъ. Въ добрый часъ!

На все сказанное здѣсь могутъ возразить, что для приготовленій къ празднику въ память Ломоносова было больше времени, а именно цѣлая зима, когда вся литература и общество были въ сборѣ и была возможность подготовиться исподволь, а до карамзинскаго торжества остается недѣля съ небольшимъ.

На это можно замѣтить, что вечеръ съ участіемъ, по возможности, большого числа наличныхъ писателей и не потребовалъ бы такихъ приготовленій, какъ литературно-музыкальное торжество съ банкетомъ въ огромныхъ размѣрахъ, даннымъ въ память Ломоносова. Что же касается краткости срока, то кажется, нѣтъ причины стѣсняться непременно днемъ рожденія Карамзина: если вечеръ будетъ отсроченъ еще на недѣлю или болѣе и послѣдуетъ въ теченіе мѣсяца, въ которомъ родился исторіографъ, то отъ этого торжество только выиграетъ.

Любитель литературы.

29-го ноября [1866 г.]

Я радъ бы душой написать нѣсколько страницъ о Карамзинѣ, но на это мнѣ надо бы было недѣлю времени, а на скоро набросать что-нибудь и какъ-нибудь можно въ фельетонѣ, а не въ серьезной статьѣ. При томъ вся эта исторія съ праздникомъ меня разстроила, и я рѣшительно не способенъ ни къ чему, даже бросилъ и тѣ строки, что читалъ Вамъ въ воскресенье, и махнулъ на все рукой и не пошелъ къ князю Вяземскому, даже я думаю, и въ академію не пойду. Если увижу князя, то предложу ему напечатать стихотвореніе у Васъ: развѣ не обѣщаль ли онъ уже его въ Сѣв[ерную] Почту, или черезъ Маркевича ¹⁾ (который вѣроятно будетъ читать стихотвореніе) въ московскую газету.

Вчера я сказалъ въ канцеляріи насчетъ газетъ; мнѣ отвѣчали, что министръ уже разрѣшилъ и Вамъ сообщать объ этомъ немедленно.

До свиданія.

Вашъ

И. Гончаровъ.

Пятница, 20-го декабря 1868 г.

Вотъ уже много лѣтъ, Андрей Александровичъ, что я ничего въ русской литературѣ, кромѣ „Голоса“, не читаю.

Располагая продолжать это въ наступающемъ году, прошу Васъ о благосклонномъ распоряженіи, о доставленіи мнѣ Вашей газеты.

Не желая однако ѣсть хлѣбъ даромъ, я сочинилъ прилагаемыя замѣтки, которыя, если заблагоразсудите, подъ строгимъ никогнито (даже женѣ и дѣтямъ не сказывайте) помѣстите гдѣ-нибудь, вставивъ въ чужой или какой-нибудь общій фельетонъ, измѣнивъ, разумѣется, по Вашему усмотрѣнію, все, что найдете лишнимъ, неудобнымъ, нецензурнымъ и т. п.

Вы скажете, что все это одно и то же: о собакахъ, о тротуарахъ, и объ извощикахъ, что нельзя ли чего-нибудь поновѣе.

Нѣтъ, нельзя: это мой святочный фельетонъ, какъ у Диккенса есть святочные рассказы. Знаю, что это сравненіе не скромное, но чтожъ дѣлать—оно вѣрно.

Я не могу мѣнять своихъ убѣжденій: они святы для меня—и

¹⁾ Болеславъ Михайловичъ Маркевичъ, чиновникъ особыхъ порученій при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія и въ то же время петербургскій корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

правда всегда будетъ моимъ закономъ. Тротуары, собаки и извошки—это общественныя и мои яввы—и буду бороться, пока дышу.

Когда это зло или три зла преодолѣю, тогда только выберу три новыя зла—и буду опять бороться.

Если эти мои *замѣтки* ¹⁾ вовсе не годятся—что тогда?

А газету мнѣ нужно! Платить я по крайней нищетѣ моей, въ качествѣ отставного чиновника, не могу, да и нѣтъ, и не было для меня въ жизни ничего гнуснѣе, какъ платить за книгу или за журналъ—и потому, если эти замѣтки не годятся—я прошу милостыню, т. е. газету.

Прощайте—я никуда не хожу, никого не вижу и къ себѣ никого не принимаю, потому между прочимъ также, что никто не ходитъ ко мнѣ.

Вашъ усердный

И. Гончаровъ.

Среда, 17-го февраля [1871 г.].

Я вчера хотѣлъ самъ повидаться съ Вами, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, по поводу прилагаемой статьи, но не удалось.

Статью эту я написалъ по желанію адмирала Посьета ²⁾, председателя комиссіи о береговыхъ станціяхъ, который сообщилъ мнѣ и всѣ заключающіяся въ ней свѣдѣнія и цифры.

Онъ нашелъ ее нужною и весьма подходящею къ дѣлу. Теперь надо, чтобъ и Вы нашли ее удобною для помѣщенія ея въ „Голосѣ“, по возможности скоро; на примѣръ въ пятницу ³⁾ или уже въ субботу ⁴⁾, ибо Посьеть сообщилъ такія же цифры и свѣдѣнія и въ Кронштатскую газету. Желательно, чтобы они прежде появились въ Вашей газетѣ.

Если же Вы не пожелаете помѣстить ее, то покорнѣйше прошу мнѣ ее возвратить.

Въ случаѣ же помѣщенія благоволите распорядиться по Вашему усмотрѣнію: т. е. куда ее напечатать: на мѣсто ли фельетона, или

¹⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.—Данныя здѣсь Гончаровымъ указанія показались намъ слишкомъ неопредѣленными, чтобъ установить, какія „замѣтки“ въ слѣдующихъ за 20-мъ декабря номерахъ „Голоса“ принадлежатъ его перу.

²⁾ Адмиралъ Константинъ Николаевичъ Посьеть, плававшій вмѣстѣ съ Гончаровымъ на фрегатѣ Паллада въ качествѣ капитанъ-лейтенанта. См. его письмо „О плаваніи фрегата Паллады изъ Англіи на мысъ Доброй Надежды и въ Зондскій проливъ“ въ „Морскомъ Сборникѣ“ за 1853 г., X. № 9, неоф., стр. 233—245.

³⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

въ *Петерб[ургской] хроникѣ* ¹⁾, — или особо послѣ всѣхъ статей на 3-й и 4-й страницѣ, даже хоть въ видѣ передовой статьи, еслибъ она годилась—конечно не означая нигдѣ подѣ ней никакого имени, а какъ бы отъ лица газеты.

Тотчасъ послѣ вступленія на 1-мъ листѣ—я отчеркнулъ карандашомъ до 2-й страницы 2-го листа нѣкоторое разсужденіе къ дѣлу собственно не принадлежащее: его можно и выпустить, но если бы Вы нашли его пригоднымъ, то можно и напечатать. Позвольте это предоставить Вашей редакторской мудрой опытности. Если же и Вы не одобрите его, то можно, напечатавъ краткое вступленіе на 1-мъ листѣ ¹⁾, продолжать со 2-й страницы 2-го листа ¹⁾, гдѣ кончается карандашъ и именно со словъ: „Дѣло идетъ объ учрежденіи береговыхъ станцій“ ¹⁾ и т. д., а все отмѣченное карандашомъ выпустить.

Вотъ и все объ этомъ дѣлѣ. Теперь другое: Посыетъ просилъ меня освѣдомиться у Васъ, получили ли Вы (кажется изъ Одессы) статью, подписанную *Шкиперъ* ¹⁾? Эта статья принадлежитъ товарищу его капитану *Греве* ²⁾, который спрашивалъ Васъ телеграммою насчетъ ея помѣщенія, но не получилъ отвѣта.

Посыетъ тоже желалъ бы знать, будетъ ли помѣщена эта статья и если не будетъ, то покорнѣйше просить доставить ее къ нему—хоть черезъ меня, или прямо въ Зимній дворецъ съ Адмиралтейскаго подѣзда.

Но Вамъ ближе прислать ко мнѣ, а я доставлю вѣрно.

Еще слово о моей статьѣ, хотя она разогнана на 8 полулисткахъ, но вѣроятно изъ нея выйдетъ не болѣе трехъ Вашихъ столбцовъ, а можетъ быть и меньше.

Если не хотите напечатать, безъ церемоніи возвратите мнѣ, а я въ претензіи не буду ³⁾.

Вашъ преданный

И. Гончаровъ.

7-го мая 1874 г.

Если Вы, достопочтеннѣйшій Андрей Александровичъ, сочтете интереснымъ для публики прилагаемую замѣтку о Верещагинскихъ

¹⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

²⁾ Капитанъ Ром. Пет. Греве, преподаватель Морского училища.

³⁾ Статья Гончарова была напечатана въ „Голосѣ“, 21-го февраля 1871, на первой страницѣ и первой статьѣй, подѣ заглавіемъ „О береговыхъ станціяхъ“ и безъ подписи автора. Въ виду ея узкаго спеціальнаго содержанія не считаемъ нужнымъ приводить извлеченій изъ нея.

картинахъ, то не найдете ли удобнымъ помѣстить ее въ *Голосъ* ¹⁾? Кажется, еще въ другихъ газетахъ объ окончательной участи этихъ картинъ заявлено не было, слѣдовательно, не откладывая вдаль помѣщеніемъ, Вы ранѣе другихъ сообщите послѣднія извѣстія.

Мнѣ сообщилъ ихъ самъ *Третьяковъ* ¹⁾, недавно прїѣзжавшій сюда, и потомъ подтвердилъ *Крамской* ¹⁾, участвовавшій въ переговорахъ Третьякова съ Верещагинымъ, слѣдовательно это можно считать вѣрнымъ.

Закулисная исторія этихъ переговоровъ — довольно длинная и скучная и публику интересовать не можетъ, поэтому я и сообщилъ только послѣдній результатъ.

Боткинъ вызвался съ Третьяковымъ купить галерею и хотѣлъ раздѣлить пополамъ съ Третьяковымъ, Третьяковъ же на это не согласился — а хотѣлъ купить ее сообща, предоставить публикѣ — тогда Боткинъ отступился, и Третьяковъ купилъ одинъ съ тѣмъ чтобъ сдѣлать ее общественной.

Онъ подарилъ ее *Обществу любителей искусствъ* ¹⁾ въ Москвѣ — тому негдѣ помѣстить — и теперь идетъ дѣло о томъ, куда ее дѣвать.

Но что до всего этого публикѣ за дѣло?

Ей интересно будетъ только знать, гдѣ ее помѣстятъ — а теперь пока у нихъ еще идутъ толки о помѣщеніи, о чемъ я и намекнулъ въ видѣ *слуха* ¹⁾.

Главное же — хотѣлось бы какъ-нибудь сдѣлать, чтобъ въ Москвѣ завели общій публичный музей — и я (хотя нескладно) высказалъ эту мысль.

Впрочемъ Вы, по Вашему усмотрѣнію, могли бы взять одно только извѣстіе о покупкѣ картинъ Третьяковымъ и помѣстить гдѣ-нибудь, какъ антрефиле въ *хроникъ* ¹⁾, а прочія мечты бросить: какъ хотите. А если все пожелаете помѣстить, то тоже можно бы въ *хроникъ* ¹⁾, но конечно во всякомъ случаѣ безъ моего имени, а отъ имени *Голоса* ¹⁾.

Замѣтка Гончарова была помѣщена въ № 127 „Голоса“ за 1874 г., 9-го мая, стр. 2, безъ подписи:

„Еще нѣсколько словъ по поводу картинъ Верещагина. Картины эти такъ много обращали на себя вниманіе публики новостью, оригинальностью содержанія и мастерствомъ исполненія, что вопросъ о пріобрѣтеніи ихъ сдѣлался интереснымъ общественнымъ вопросомъ. Всѣ желали знать, кому онѣ достанутся, помѣтятъ ли ихъ въ Петербургѣ, или увезутъ въ Москву, и, наконецъ, будутъ

¹⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

ли онѣ доступны публикѣ. Носились слухи о приобрѣтеніи ихъ двумя или тремя лицами сообща и о распредѣленіи между послѣдними по частямъ. Потомъ вовсе перестали о нихъ говорить.

Теперь мы можемъ сообщить извѣстія, полученные нами изъ вѣрнаго источника, объ участи этихъ картинъ. Вся галерея приобрѣтена однимъ лицомъ, именно извѣстнымъ московскимъ любителемъ живописи П. М. Третьяковымъ, который уже собралъ у себя цѣлую галерею (говорятъ, до 200 картинъ) произведеній русскихъ новѣйшихъ мастеровъ. Но онъ не приобщилъ послѣдняго богатаго приобрѣтенія къ своему домашнему музею, а предложилъ все собраніе верещагинскихъ картинъ въ даръ московскому обществу любителей искусствъ. Такимъ образомъ, картины эти становятся общественною, не раздробляемою и всегда открытою публикѣ галереею.

Поступокъ этотъ говоритъ самъ за себя: за границей, гдѣ всякая покупка богатымъ любителемъ одной какой-нибудь замѣчательной картины превозглашается во всеуслышаніе, такой подвигъ возбудилъ бы толки въ журналахъ на всю Европу и приобрѣлъ бы виновнику его справедливую и громкую признательность общества. Г. Третьяковъ, какъ видно по всему, не нуждается въ этомъ. Дѣло сдѣлалось просто, точно въ тихомолку. Конечно, онъ собиралъ и прежде, въ теченіи многихъ лѣтъ, лучшія картины современныхъ художниковъ и приобрѣлъ теперь вдругъ цѣлую галерею не затѣмъ, чтобъ о немъ трубили въ обществѣ, а болѣе всего, надо полагать, для удовлетворенія своей симпатіи къ любимому имъ искусству и изъ ревности къ успѣхамъ этого искусства въ Россіи.

Оставимъ же самый актъ пожертвованія въ сторонѣ и скажемъ два слова о томъ, какой, по поводу его, *pium desiderium* позволительно питать всякому, не равнодушному къ искусству русскому человѣку вообще, а особенно въ настоящемъ случаѣ москвичамъ.

Въ Москвѣ нѣтъ одного, центрального обширнаго музея искусствъ. Недостатокъ этотъ, вѣроятно, подалъ поводъ къ перемѣщенію туда изъ Петербурга румянцовскаго музея, гдѣ находится, если не ошибаемся, пожалованная Государемъ Императоромъ музею прямишниковская колекція картинъ и также извѣстная картина Иванова „Явленіе Христа народу“. Есть еще въ Москвѣ вышеупомянутое „общество любителей искусствъ“, имѣющее постоянную выставку случайныхъ картинъ. И кажется, только. Этого мало по части искусствъ для обширной древней столицы, давшей обществу не мало представителей искусства, воспитывающей многочисленное юношество, имѣющей своего рода маленькую академію въ училищѣ живописи и ваянія для приготовленія художниковъ и не имѣю-

щей образцовой галереи какъ для учащихся искусствамъ, такъ и для многочисленныхъ любителей вообще, живущихъ въ Москвѣ. Наконецъ, совѣстно и передъ заѣзжими иностранцами, которымъ мало приходится показывать въ Москвѣ по части искусства, кромѣ византійскихъ и русскихъ древностей.

Не могло ли де настоящее пожертвованіе Г. Третьякова вдругъ цѣлой галереи русскаго художника послужить основаніемъ собственно національнаго русскаго музея живописи (а потомъ и ваянія) въ Москвѣ, такого музея, который современемъ могъ бы сдѣлаться обширнымъ пантеономъ замѣчательныхъ русскихъ талантовъ?

Съ нѣкоторыхъ поръ, и довольно давно, Москва въ лицѣ г.г. Третьякова, Солдатенкова, и нѣкоторыхъ другихъ любителей, уже приобрѣла много, даже почти всѣ замѣчательныя современныя русскія произведенія живописи съ петербургскихъ выставокъ, или прямо изъ мастерскихъ художниковъ, напримѣръ, картины, г.г. Ге, Крамского, Флавицкаго, Якоби и другихъ, стало быть, начало, уже положено. Самый румянцовскій музей, т. е. собственно коллекція картинъ, если не можетъ *de jure* перейти изъ однихъ рукъ въ другія, не могла ли бы *de facto* занимать помѣщеніе въ одномъ зданіи съ такимъ русскимъ музеемъ? Почему знать: можетъ быть, нынѣшніе владѣльцы русскихъ галерей и замѣчательныхъ отдѣльныхъ картинъ, движимые симпатіей къ своей Москвѣ и ревнуя украшенію ея, завѣщаютъ ей свои сокровища, и тогда бы въ Москвѣ могла бы возникнуть своя историческая русская галерея, образоваться цѣлая народная школа живописи и ваянія... и т. д. и т. д.

Какъ бы то ни было, основаніе такому дѣлу положено прочно въ новомъ приобрѣтеніи верещагинскихъ картинъ. Думаемъ, что остальное могло бы довершиться любовью москвичей къ Москвѣ, и примѣръ г. Третьякова безъ поддержки не остался бы. На эти предположенія наводитъ насъ, между прочимъ, дошедшій сюда слухъ, что „Московское общество любителей искусствъ“, помѣщающееся въ наемной квартирѣ, затрудняется относительно достаточно-просторнаго и удобнаго помѣщенія верещагинскихъ картинъ и что, вслѣдствіе этого, нѣкоторые любители живописи и крупные капиталисты, будто бы, не прочь приобрести или построить постоянное для нихъ помѣщеніе. Вотъ случай украсить Москву достойнымъ ея зданіемъ, которое современемъ могло бы быть и желательною центральною галереею искусствъ!

Не знаемъ, насколько справедливъ этотъ слухъ, но хочется вѣрить ему, въ интересахъ русскаго искусства. У цѣлаго города, и, притомъ, такого щедрого на общественныя пожертвованія, какъ

Москва, всегда найдутся болѣе широкія средства къ собиранію и удобному помѣщенію и храненію сокровищъ искусства, нежели у частныхъ людей и отдѣльныхъ обществъ. А Москвѣ давно пора, вдобавокъ ко всѣмъ ея достопримѣчательностямъ, имѣть и достопримѣчательный публичный музей живописи и скульптуры, какіе имѣютъ всѣ большіе города въ Европѣ, сначала и болѣе всего, повторимъ, своихъ русскихъ, а современемъ пожалуй, и чужихъ знаменитыхъ художниковъ!

Отъ сосредоточенія тамъ произведеній русскаго искусства выиграютъ много и сама Москва, и Петербургъ, т. е. академія, какъ разсадникъ художниковъ, и общество поощренія художниковъ, какъ ревностный покровитель ихъ, и всѣ русскіе художники, для которыхъ открылась бы новая и обширная арена почетнаго и выгоднаго сбыта ихъ произведеній и постоянной выставки ихъ въ центрѣ Россіи“.

1-го декабря 1875 г.

При этомъ кстати позвольте мнѣ, почтеннѣйшій редакторъ, предложить Вамъ нижеслѣдующую коммерческую сдѣлку. Капиталь—16 рублей ¹⁾).

Я безъ *Голоса* ¹⁾) жить не могу и скоро предстоитъ возобновленіе подписки на оный.

Но какъ платить деньги для меня весьма отвратительно вообще, за всякое печатное дѣло въ особенности по причинѣ малаго ихъ у меня количества, принятіе же подарка я нахожу зазорнымъ, то не отпустите ли Вы мнѣ означенную газету на предстоящей 1877 годъ въ кредитъ съ тѣмъ, чтобы я, въ теченіи этого года, поставилъ Вамъ статью, въ видѣ фельетона, замѣтки, рецензіи и т. п., суммою на 16 рублей, составляющею стоимость газеты съ доставкой.

Въ случаѣ же неустойки съ моей стороны, повиненъ я означенную стоимость внести къ 1-му январю 1877 г. сполна.

Буде Вы такое условіе найдете благонадежнымъ, то благоволите сдѣлать надлежащее распоряженіе къ отпуску мнѣ газеты *Голосъ* на 1876 годъ.

Въ противномъ случаѣ не оставьте дать мнѣ знать, дабы я могъ заблаговременно, *скръпя сердце* ¹⁾), возобновить опять подписку.

Д. Ст. Сов. и Кавалеръ

И. Гончаровъ.

¹⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

13 декабря [18]75 г.

Не браните меня, Андрей Александровичъ, что не посылаю предпраздничной замѣтки, о которой говорилъ Вамъ. Бѣда та, что я не умѣю писать коротко: непременно расплывусь! Такъ и случилось. вмѣсто краткой замѣтки или статейки, наплодился было *feuilleton-monstre* чуть ли не въ пол-листа. Притомъ и тонъ вышелъ шаловливый, *лимонадный* ¹⁾: пожалуй, показался бы не къ лицу серьезному *Голосу* ¹⁾.

Я повозился, повозился и отложилъ, не додѣлавъ конца, за которымъ пришлось бы еще просидѣть вечеръ или два.

Я напишу Вамъ въ непродолжительномъ времени другое, по-серьезнѣе и покороче—по условію, чтобъ заработать газету. У меня есть въ виду сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ книгахъ, но это не къ спѣху—потерпите и будьте благосклонны

къ—И. Гончаровъ.

1-го марта [1878 г.].

Возвращая Вамъ, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ—книгу *Павловскъ* ¹⁾, препровождаю при этомъ въ свою очередь, на просмотрѣніе, *Исторію попечительнаго Связъта* ¹⁾, которую по минованіи надобности, покорнѣйше прошу мнѣ возвратить. Эти двѣ книги, какъ Вы видите, близнецы *по сходству* ¹⁾ изданія, и даже отчасти и по содержанію и языку.

Я съ большимъ вниманіемъ прѣсмотрѣлъ *Павловскъ* ¹⁾ и если надумаюсь окончательно привести въ нѣкоторый порядокъ показанныя мною Вамъ набросанныя строки, по поводу первой изъ этихъ книгъ, то упомяну и о *Павловскѣ* ¹⁾. Это—какъ нельзя больше—идеть къ дѣлу. Только не знаю соберусь ли съ силами и съ лѣнью—и скоро-ли ²⁾.

До свиданія.

Вашъ И. Гончаровъ.

4-го марта [1878]

Вотъ листки, которые я Вамъ показывалъ въ воскресенье, Андрей Александровичъ, и которые я насилу—насилу вчера въ четыре, привелъ въ порядокъ.

Всѣ Святые видѣли съ небесъ, чего это мнѣ стоило царапать съ слѣпыми глазами—и право стоило бы, чтобъ Вы опредѣлили

¹⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

²⁾ Видно по слѣдующему письму, отъ 4-го марта того же года, что Гончаровъ въ этотъ разъ „собрался таки съ силами“ и даже довольно скоро.

мнѣ *Голосъ* ¹⁾ à regreté, а ужъ за два года—это слѣдуетъ безъ всякой съ Вашей стороны генерозности, включая и нынѣшній! видите! я великодушень!

Я поставилъ въ заголовкѣ фельетона *Библиографія* ¹⁾: если это у Васъ принято, то хорошо бы такъ и оставить, а впрочемъ—какъ изволите! Лишь бы осталось только заглавіе книги: *Попечит[ельный] Советъ* ¹⁾ и т. д., какъ у меня.

Имени конечно *никакого не нужно* ¹⁾ ни буквъ, а какъ бы отъ редакціи.

Корректуру нужно бы прислать мнѣ: я много напачкалъ со слѣпа,—и Вашъ корректоръ, пожалуй, моихъ поправокъ не разберетъ.

Если я получу корректуру въ 2 или 3 часа дня, то къ 6 ч. возвращу, а если мнѣ принесутъ съ вечера часовъ въ 9 или 10, то утромъ рано будетъ отослана назадъ.

Въ случаѣ еслибъ Вы сочли почему-нибудь неудобнымъ помѣстить статью у себя, то слезно прошу поскорѣе возвратить мнѣ ее—я уже почти обѣщаль ее прежде?

Вотъ и все.

Кланяюсь усердно

Вашъ

Гончаровъ.

Фельетонъ Гончарова былъ напечатанъ въ № 67 „Голоса“ 8-го марта 1878 г., безъ подписи. Онъ гласитъ слѣдующее:

Библиографія.

„Попечительный совѣтъ заведеній общественнаго призрѣнія въ Петербургѣ. Очеркъ дѣятельности за пятьдесятъ лѣтъ 1828—1878 г.“.

Такъ называется громаднѣйшій томъ in-quarto, составленный и изданный, по порученію совѣта, членомъ совѣта К. Ординымъ.

Это одно изъ самыхъ изящныхъ изданій русской печати. Если положить этотъ томъ на столъ въ богатомъ салонѣ, посѣтитель приметъ его за великолѣпный французскій или англійскій альбомъ съ швейцарскими или итальянскими видами, съ портретами красавицъ, знаменитыхъ людей и т. п.—и ошибется, но ошибется пріятно. Тутъ нѣтъ ничего ни французскаго, ни англійскаго. Превосходная блестящая, какъ слоновою костью, бумага, отличная, крупная печать, гелиографическіе портреты, планы, чертежи—все это свое, русское.

¹⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Еще пріятнѣе ошибется тотъ, кто раскроетъ книгу съ мыслью о скукѣ, которою грозитъ официальное заглавіе: „очеркъ дѣятельности совѣта“. вмѣсто сухого перечня административныхъ мѣръ, приказовъ, протоколовъ, читатель найдетъ живое изложеніе о томъ, какъ возникъ этотъ совѣтъ, и чѣмъ онъ управляетъ. Акты и документы, приведенные здѣсь, касаются одного изъ самыхъ живыхъ общественныхъ интересовъ—благотворительности и имѣютъ значеніе историческихъ замѣтокъ.

Авторъ удачно ввелъ простой, почти разговорный языкъ въ этотъ официальный трудъ. Даже въ своей „торжественной“ рѣчи по случаю пятидесятилѣтія совѣта, за исключеніемъ нѣсколькихъ, общепринятыхъ въ такихъ торжествахъ, парадныхъ фразъ, онъ даетъ свободу простому, обыкновенному языку.

Все это, вмѣстѣ взятое съ внѣшнею роскошью изданія, придаетъ большую цѣну книгѣ и выводитъ этотъ очеркъ изъ ряда обыкновенныхъ официальныхъ отчетовъ.

Но это составляетъ только одну второстепенную заслугу этого изданія.

Главный интересъ книги заключается въ группѣ лицъ, создателей и покровителей благотворительныхъ заведеній. Эти лица и ихъ сподвижники и служатъ героями этой официальной, но близкой, по своимъ цѣлямъ, всему обществу эпопеи. Характеристики лицъ выступаютъ рельефно, какъ живыя иллюстраціи повѣствуемыхъ фактовъ, представляя галерею портретовъ, дѣлающихъ почти не нужными геліографическіе снимки съ нихъ.

На первомъ планѣ, среди портретовъ нынѣ царствующихъ Императора и Императрицы и Императора Николая Павловича, красуется величественная фигура Императрицы Маріи Феодоровны. Изданіе украшено ея превосходнымъ портретомъ и медальйономъ. Имя ея блеститъ почти на каждой страницѣ этой исторіи, которой она и есть первенствующая героиня.

Раздѣляя престолъ своего супруга-царя, Марія Феодоровна рядомъ создала особое царство, гдѣ была полновластною царицей—царство „добра и милосердія“, котораго она, по справедливому выраженію автора „Очерка“, была живымъ воплощеніемъ. Царство это созидалось ею параллельно съ великими событіями и подвигами военной, политической и гражданской русской жизни. Она была матерью не однихъ императоровъ и великихъ князей, но и безчисленныхъ призрѣнныхъ и воспитанныхъ ею при жизни ея, послѣдовавшихъ затѣмъ и будущихъ русскихъ дѣтей, и матерью убогихъ, недужныхъ, сирыхъ.

Авторъ „Очерка“ опять справедливо замѣчаетъ, что „цѣлые

томы едва ли дадутъ полное понятіе о томъ, что ею исполнено“. Но ей и не нужно томовъ, также какъ и монументовъ, воздвигаемыхъ героямъ. Она при жизни сама написала и томы, и поставила себѣ памятники по всей Россіи, и продолжаетъ царствовать въ больницахъ, богадѣльняхъ, школахъ—и царствію ея не будетъ конца.

Многіе дѣлали и дѣлаютъ добро; но она ничего другого не дѣлала. Она только любила и благотворила. Она дѣлала добро силою царскаго могущества, какъ царица, и силою любви какъ простой человѣкъ, какъ мать. Безъ послѣдней силы, можетъ быть и не достало бы ея, только какъ царицы, на все ею сдѣланное. Какъ у царицы особаго царства, у нея были свои подданные: дѣти, больные, нищіе; свои министры—помощники, и цѣлая армія учителей, учительницъ, врачей, а всякихъ слугъ—безъ числа.

Все это царствіе Божіе выросло, какъ евангельское дерево изъ горчичнаго зерна, изъ сердца женщины, и какой безконечный рядъ поколѣній укрывается въ вѣтвяхъ этого дерева!

Это царство остается до сихъ поръ и, вѣроятно, останется всегда неприкосновенною святыней, своего рода *status in statu* осѣненнѣмъ ея императорскою мантией и освященнѣмъ навсегда ея именемъ. Она завѣщала его дѣтямъ: дѣти, внуки свято чтили и чтутъ наслѣдіе. Два сына, императоры, были послушными исполнителями воли ея сердца. Царствующая чета внуковъ, и вся семья ихъ служатъ вѣрною охраною и опорою этого царства, и оно не умаляется, не разрушается, а разрастается, совершенствуется и крѣпнеть.

Кормить голодныхъ, лечить больныхъ и призрѣвать сиротъ было государственною заботою правительства и до нея. По сознанію необходимости возникали больницы и школы.

Но это одно сознаніе не вносило тепла и свѣта въ темныя пріюты нужды и недуговъ. Туда проникало неряшество, небрежность, тля, даже хищничество, какъ повѣствуетъ „Очеркъ“.

Если добро не терпитъ блеска внѣшнихъ лучей, суетности, славы, отъ которыхъ оно глохнетъ, какъ сѣмя, упавшее на каменную почву, то оно также не мыслимо безъ внутренняго огня, безъ любви.

Личная живая любовь царицы къ людямъ превратила сознательный, не рѣдко холодный долгъ общественной благотворительности въ культъ непрестаннаго, горячаго служенія нуждамъ и страданіямъ человѣческимъ. Для этого надо было, чтобъ сердце помогающаго билось тѣми же ощущеніями боли и скорби, какъ сердце самаго скорбящаго и болящаго.

Эти живыя біенія ея сердца, отвѣчавшія всякому кто „просилъ

и стучалъ“, духъ добра, состраданія, облеклись въ плоть и образовали огромный государственный организмъ, который называется „вѣдомство учрежденій императрицы Маріи Ѳеодоровны“.

По образу и подобію этого царства создались новыя сферы, новыя виды и спеціальности добра и милосердія: пріюты, дѣтскія больницы, школы, и потребовали огромный контингентъ женскихъ рукъ и сердець.

Онѣ явились прежде всего въ близкихъ къ покойной императрицѣ высокихъ лицахъ. Наслѣдіе ея перешло въ прямыя и достойныя руки. Эти лица стоятъ во главѣ больницъ, институтовъ, школъ, пріутовъ, богадѣленъ и едва-ли командиры войскъ, гражданскіе правители, обременены дѣлами болѣе ихъ.

Ихъ примѣръ, въ свою очередь, призываетъ къ той же непрестанной и нескончаемой службѣ добру и милосердію женщинъ изъ всѣхъ слоевъ общества, и въ данную минуту (какъ мы видимъ теперь, напримѣръ) являются легіоны ихъ, несущихъ трудъ, достоиніе, нерѣдко жизнь.

Тѣнь великой женщины всегда будетъ стоять во главѣ своего царства и никакое другое величіе не сведетъ ее съ ея пьедестала. Трудно стать рядомъ съ нею въ ревности къ добру, а идти далѣе нельзя. Не оскудѣвать въ добрѣ, положить въ него жизнь—вотъ вся задача и программа добра. Императрица не оскудѣла до конца: за два дня до болѣзни, сведшей ее въ могилу, и за двѣнадцать дней до кончины, она, какъ сказано въ „очеркѣ“, посѣтила больницу. Едва-ли это былъ не послѣдній ея визитъ.

Она трудилась ежедневно, не уставая, окруженная своими помощниками и помощницами, какъ простая начальница дѣла, какъ будто подлежала отвѣтственности передъ другимъ, высшимъ лицомъ. Къ „очерку“ приложены два ея собственноручныя письма; протоколы совѣта испещрены ея резолюціями, съ трогательными замѣтками о покупкѣ дровъ, о какихъ-то мелкихъ починкахъ въ больницѣ, о прибавкѣ прислуги и т. п. Въ „очеркѣ“ изложена только одна малая часть или „сторона“, какъ говоритъ авторъ, взятая изъ пучины совершеннаго ею добра: рассказана исторія всего трехъ-четырехъ подвѣдомственныхъ совѣту учрежденій. А сколько ихъ еще здѣсь, въ Москвѣ, въ разныхъ краяхъ Россіи созданныхъ ея сердцемъ, мыслью, достояніемъ.

Она принесла свою лепту ближнему, отдала все свое, т. е. всю жизнь. Ей больше и нечего было отдавать.

Кто пожелалъ бы ближе прислушаться къ нѣжнымъ біеніямъ сердца царицы, того отсылаемъ къ перепискѣ Нелединскаго-Мелец-

каго, изданной, года два назадъ, внукомъ его княземъ Д. А. Оболенскимъ ¹⁾).

Нелединскій-Мелецкій былъ поэтъ, блестящій образованный человекъ своего времени и одинъ изъ помощниковъ Императрицы по учебнымъ заведеніямъ.

Въ перепискѣ ея съ нимъ яснѣе и живѣе блещитъ струя ея неистощимой любви и материнской нѣжности къ безчисленнымъ воспитываемымъ ею дѣтямъ. Иногда трудно различить, о своихъ собственныхъ или о чужихъ дѣтяхъ говорить и заботится она.

И не въ письмахъ только, а лично являлась она какъ ласковая мать, въ дѣтской толпѣ. Бывшіе свидѣтели ея посѣщеній школъ рассказываютъ, какъ она, окруженная мальчиками или дѣвочками, ласкала ихъ, гладила по головѣ, по щекамъ, раздавала имъ конфекты, какъ добрая бабушка, или просиживала цѣлыя часы, не обнаруживая ни усталости, ни нетерпѣнія, въ классахъ, на дѣтскихъ экзаменахъ, рассматривала ихъ рисунки, тетрадки, рукодѣлья.

Чтобъ дополнить эти тонкія и поминутныя ея проявленія неистощимаго въ любви сердца, надо еще прочесть интересную книгу подъ заглавіемъ „Павловскъ“ ²⁾. Это подробная до мелочей исторія всѣми нами любимого и посѣщаемого городка, составленная по порученію нынѣшняго владѣльца его, великаго князя Константина Николаевича и изданная въ прошломъ году, еще съ большею роскошью и изяществомъ, нежели „Очеркъ дѣятельности попечительнаго совѣта“. Обѣ книги можно назвать близнецами по изданію: онѣ вышли изъ одной типографіи.

Книгою „Павловскъ“ не только пріятно, какъ изящнымъ альбомомъ, украсить столъ или этажерку, но и необходимо имѣть ее; какъ гидъ, всякому посѣтителю или жителю Павловска, желающему внимательно осмотрѣть все замѣчательное. Въ книгѣ все есть: все указано, обо всемъ упомянуто и почти все нарисовано. Каждая аллея, почти каждое дерево, имѣютъ свою исторію, не говоря о дворцахъ, памятникахъ, музеяхъ, библіотекѣ. Даже прибавленъ каталогъ замѣчательныхъ книгъ. И какая иллюстрація пейзажей, дворцовъ, монументовъ!

И опять надъ всѣмъ этимъ господствуетъ тотъ же свѣтлый образъ царицы — нѣтъ, просто женщины, той же самой, какою она

¹⁾ „Хроника недавней старины. Изъ архива кн. Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго“. Спб., 1877.

²⁾ Павловскъ, очеркъ, исторія и описаніе, 1777—1877, Спб., 1877.

является у одра больныхъ въ „Очеркѣ“, въ пріютахъ и школахъ, ею созданныхъ. Устраивая свое царское гнѣздо, она среди заботъ, строительства, насажденія садовъ и всякихъ сопряженныхъ съ этимъ трудовъ, пишетъ къ управляющему ея „милымъ Павловскомъ“, посылая деньги, чтобъ онъ награждалъ крестьянъ, коловшихъ ледъ, и донесъ ей, „не заболѣлъ ли кто-нибудь изъ нихъ“. Въ другомъ письмѣ приказываетъ всякій разъ доносить ей, и даже посылать нарочнаго, если кто-нибудь изъ жителей города „опасно занеможетъ“. Узнавъ, что у крестьянки пала корова, она велитъ дать ей лучшую корову со своей фермы.

У ней, какъ у царицы, были конечно пажы; что они дѣлали между прочимъ? Когда она гуляла верхомъ или пѣшкомъ, дежурный пажъ шелъ съ ея бумажникомъ и кошелькомъ. При встрѣчѣ съ крестьянкой, съ крестьяниномъ, она останавливала ихъ, спрашивала о житьѣ-бытьѣ, о нуждахъ. Нужды конечно всегда были (когда же ихъ не бываетъ у крестьянъ!) и всегда пажъ выдавалъ деньги, сколько нужно, а часто (сказано въ одномъ мѣстѣ книги) она давала больше, нежели сколько требовалось.

А съ дѣтьми какая неистощимая нѣжность и ласка! Когда они во время спектакля, бала, вообще праздника во дворцѣ, тѣснились снаружи, глядя въ окна, она вводила ихъ въ залу, ставила впереди зрителей, ласкала, кормила лакомствомъ!

Можно сказать, разумѣется, что все это хорошія, но мелкія черты, которыя не чужды многимъ, болѣе или менѣе состоятельнымъ людямъ и въ простомъ быту. Совершенно справедливо: добрыхъ людей, слава Богу, не мало на свѣтѣ! Но эти „мелочи“ приводятся здѣсь только, какъ черты не должностной, по ея положенію царицы, а личной непрестанной и живой доброты женскаго сердца.

Но вотъ и не мелочи. Устраивая себѣ мѣсто лѣтняго отдохновенія, она тутъ же устроила и школу, и богадѣльню, и больницу. Потомъ послѣ войны содержала тамъ на свой счетъ тысячу раненныхъ солдатъ, завела пріютъ для инвалидовъ, основала капиталъ для поощренія крестьянскихъ работъ и т. п. Между тѣмъ, она нерѣдко сама... нуждалась въ деньгахъ. Она занимала, изворачивалась, соблюдала экономію, строго вникала въ счета издержекъ по постройкамъ и т. д.

Еще одна послѣдняя мелочь въ родѣ горчичнаго зерна. Гуляя въ паркѣ, она встрѣтила одну извѣстную ей даму съ глухонѣмымъ мальчикомъ и распросивъ, узнала, что въ семействѣ мальчика есть еще двое глухонѣмыхъ дѣтей. На другой день она опять встрѣтила эту даму и сказала ей, что этотъ мальчикъ „не далъ ей уснуть всю ночь“.

Это сказала простая, добрая, нѣжная женщина, а царица вслѣдъ за этою встрѣчею написала за границу и вызвала специалиста по воспитанію глухонѣмыхъ.

Вскорѣ послѣ того въ Павловскѣ собрано было нѣсколько глухонѣмыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ: это былъ зародышъ или зерно обширнаго, всѣмъ извѣстнаго учрежденія училища глухонѣмыхъ на Гороховой улицѣ.

Какъ бы ни было развито въ человѣкѣ сознаніе долга, но оно одно не могло бы побуждать ее сходить ежедневно съ своего царскаго пьедестала, наклоняться къ одру больныхъ, заглядывать въ дѣтскіе пріюты и школы и написать цѣлую литературу писемъ—тѣ томы, о которыхъ упомянуто выше, все объ одномъ и томъ же, что билось у ней въ сердцѣ и поглощало ея умъ.

Письма ея къ Нелединскому-Мелецкому, кромѣ главнаго своего обаянія, душевной красоты, полны еще тонкой граціи просвѣщеннаго женскаго ума. Это литературные образцы эпистолярнаго жанра по тонкости мыслей, игривости пера и того abandon, которое свойственно интимной перепискѣ. Но мягкость, доброта преобладаютъ надъ всѣмъ и въ каждомъ словѣ изливается на всѣхъ, кто попадетъ подъ ея перо. Всѣмъ выпадаетъ на долю поклонъ, ласковое слово и всегда готовность сдѣлать добро. Звукъ сердечной доброты слышенъ даже въ ея выговорахъ по службѣ. Сколько такихъ писемъ, писанныхъ ею ко многимъ другимъ лицамъ, должно храниться или въ дворцовыхъ архивахъ, или при дѣлахъ ея учрежденій. Надо думать, что эти сокровища ума и души необыкновенной женщины оберегаются какъ святыня, заботливыми руками отъ тлѣнія и забвенія и тщательно собранныя и пересмотрѣнныя когда-нибудь, можетъ быть, даже скоро, увидятъ свѣтъ! Ими надо дорожить, имъ нѣтъ цѣны.

Эти письма, гдѣ она сама повѣствуетъ о себѣ, да книги, о которыхъ говорится здѣсь, и подобныя имъ, послужатъ драгоценными матеріалами ея исторіографу, для увѣковѣченія памяти о геніи добра, воплотившемся въ свѣтломъ образѣ лучшей изъ женщинъ, какія только являлись въ человѣчествѣ.

Эту память мы обязаны соблюсти свято и передать нашимъ дѣтямъ, чтобъ, прежде всего, не понести отъ нихъ упрека, а они въ свою очередь завѣщаютъ его, какъ примѣръ и назиданіе дальнѣйшимъ поколѣніямъ“.

7-го января 1883 г.

Если Вы, многоуважаемый, Андрей Александровичъ, а равно и Василій Алексѣевичъ, не найдете неудобнымъ, то нельзя ли въ

ближайшемъ № *Голоса*¹⁾, напримѣръ завтра, напечатать прилагаемое письмо?

Меня продолжаютъ поздравлять съ юбилеемъ посѣтители, также письмами и телеграммами, причемъ всѣ упрекаютъ *девять музъ*¹⁾ за умолчаніе.

Я полагаю, что прилагаемое письмо разъяснить дѣло и положить этому конецъ.

Кромѣ того мнѣ надо какъ-нибудь поблагодарить моихъ благожелателей, а отвѣчать на ихъ письма я, какъ видите, не могу—(пишу, глядя въ сторону)—и потому выражаю благодарность печатно, черезъ Вашу газету. Тутъ же объясняю опредѣлительно и болѣзнь глазъ, мѣшающую писать.

Извините и примите мой искренній поклонъ.

Вашъ

И. Гончаровъ.

Въ „Голосѣ“, № 8, 8-го января 1883, стр. 2, можно читать слѣдующее:

„Мы получили отъ И. А. Гончарова слѣдующее письмо:

„М. г. Андрей Александровичъ. Въ „Голосѣ“ было извѣщено объ исполнившемся въ прошломъ 1882 году пятидесятилѣтіе моеѣ литературной дѣятельности и о привѣтствованіи меня по этому случаю небольшою группою лицъ, въ томъ числѣ и Вами самими. Вслѣдъ за этимъ появились въ печати и устно послышались съ разныхъ сторонъ лестныя и драгоцѣнныя для меня укоризны, обращаемаыя къ вышеозначеннымъ лицамъ, въ томъ, что о моемъ литературномъ пятидесятилѣтіи не было повѣщено въ публикѣ и что этотъ маленькій праздникъ совершился въ тѣсномъ кругу немногихъ лицъ, какъ бы втихомолку, а не болѣе публично, какъ это обыкновенно дѣлается.

„Позвольте же мнѣ черезъ вашу же газету эти, неправильно обращаемаыя къ означеннымъ лицамъ укоризны, направить на настоящій путь: онѣ всецѣло относятся ко мнѣ одному. Узнавъ стороною о намѣреніи нѣкоторыхъ литераторовъ устроить въ честь мою юбилейный обѣдъ, я обратился къ нимъ съ энергическою и убѣдительною просьбою, не только отмѣнить это намѣреніе, но и не предавать его гласности. Меня къ тому побуждало, сверхъ собственнаго сознанія маловажности моего литературнаго значенія, еще особенно и состояніе моего здоровья, которое давно заставляеть меня

¹⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

избѣгать многолюдныхъ собраній и всякихъ сильныхъ, хотя бы и пріятныхъ впечатлѣній и ощущеній.

Эта моя просьба была уважена, и рѣшено было, какъ я узналъ послѣ, сократить юбилейный праздникъ до размѣровъ обѣда въ тѣсномъ кругу около двадцати болѣе или менѣе близкихъ мнѣ лицъ.

Этому воспрепятствовала, какъ и было заявлено въ „Голосѣ“, внезапно постигшая меня, въ первыхъ числахъ декабря, болѣзнь глазъ, происшедшая отъ непрестаннаго чтенія, особенно при вечернемъ освѣщеніи. Однимъ глазомъ я совсѣмъ пересталъ видѣть, въ другомъ почувствовалъ боль. Это продолжается и понынѣ, не смотря на всѣ принятія врачами мѣры. Мнѣ строго воспрещены чтеніе, писаніе и всякія сильныя волненія. Въ такомъ положеніи, конечно всякія намѣренія почтить меня какимъ-нибудь торжественнымъ выраженіемъ сочувствія, по случаю моего юбилея, должны были остаться только въ проектѣ. Затѣмъ произошло то, что Вамъ очень хорошо извѣстно и что описано въ вашей газетѣ, т. е. что нѣсколько участниковъ проекта, въ томъ числѣ и вы, зная о моей болѣзни глазъ, неожиданно для меня почтили меня, въ послѣдній день прошлаго года, своимъ посѣщеніемъ и приношеніемъ подарка.

„Въ заключеніе я пріятнѣйшимъ долгомъ считаю засвидѣтельствовать здѣсь чувства величайшей моей признательности всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя уже выразили, и другимъ, которыя еще продолжаютъ выражать дорогое мнѣ сочувствіе къ моему перу. Къ сожалѣнію, я могу исполнить этотъ долгъ только печатно, лишенный возможности, по причинѣ означенной болѣзни глазъ, отвѣчать на посѣщенія посѣщеніями и на письменные привѣты собственноручными письмами.

Примите и проч.

И. Гончаровъ.

14-го января 1883 г.

Извините, многоуважаемый Андрей Александровичъ, что опять безпокою Васъ просьбою напечатать прилагаемая строки. Вы, вѣроятно, и сами рѣшите, что мнѣ нельзя не сдѣлать этого. Авось онѣ не опоздають къ завтрашнему № газеты.

Примите мой искренній поклонъ

И. Гончаровъ.

P. S. Глазу моему не только не лучше, но еще хуже: я чувствую въ немъ ревматическую боль.

„Прилагаемая строки“ Гончарова были напечатаны въ № 15 „Голоса“ за 1883 г., 15-го января, стр. 2:

И. А. Гончаровъ, глубоко тронутый провозглашеніемъ тоста за его здоровье на обѣдѣ бывшихъ студентовъ московскаго университета, 12-го января, и за присланную ему телеграмму, пріятнѣйшимъ долгомъ считаетъ засвидѣтельствовать душевную признательность г. г. председателю комитета, распорядителямъ и всѣмъ участвовавшимъ въ обѣдѣ—за оказанныя ему честь и вниманіе, крайне сожалѣя, что болѣзнь воспрепятствовала ему самому раздѣлить годичную трапезу своихъ сотоварищей по ученью.

[Безъ указанія числа].

Милостивый Государь!

Спѣшу вручить Вамъ очерки русской литературы на англійскомъ языкѣ. Если вы найдете, что замѣтка написанная мною не достаточна и не полна, Вы поступите согласно Вашему усмотрѣнію.

Прошу принять увѣреніе въ уваженіи къ Вамъ ¹⁾

И. Гончаровъ.

Х. И. А. Гончаровъ—сотрудникъ дѣтскаго журнала.

20 января 1858 г.

Вотъ и визитъ къ Вамъ, почтеннѣйшій Давидъ Ивановичъ ²⁾ но личною своею беспокоить Васъ не стану, а только оставляю свою статью для дѣтскаго журнала *Подснежникъ* ³⁾, съ покорнѣйшею просьбою просмотрѣть, подписать и вручить посланному изъ типографіи Кулиша: онъ придетъ часовъ въ шесть.

Извиняюсь, что беспокою Васъ и свидѣтельствую Вамъ мое почтеніе и преданность.

И. Гончаровъ.

Эта записка, хранящаяся въ Императорской Публичной Библиотекѣ, весьма цѣнна тѣмъ, что указываетъ на двѣ статьи И. А. Гончарова, хотя и подписанныя авторомъ (*И. А. Гончаровъ*), но ускользнувшія до сихъ поръ отъ вниманія всѣхъ его биб-

¹⁾ За отсутствіемъ всякихъ хронологическихъ данныхъ не удалось намъ опредѣлить, была ли напечатана замѣтка Гончарова, о которой рѣчь идетъ въ этомъ письмѣ. Мы не знаемъ также, кому въ точности это письмо, находящееся среди писемъ къ А. А. Краевскому, было адресовано.

²⁾ Давидъ Ивановичъ Мацкевичъ (1819—1859), цензоръ Санктъ-Петербургскаго Цензурнаго Комитета и писатель.

³⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

ліографовъ ¹⁾. Онѣ были напечатаны въ дѣтскомъ журналѣ „Подснѣжникъ“, за 1858 г., подъ общимъ заглавіемъ: „Два случая изъ морской жизни“ И. А. Гончарова ²⁾. Одна изъ нихъ заключаетъ въ себѣ общія размышленія о морской жизни. Другая же содержитъ два разсказа, относящіеся, первый къ послѣднимъ числамъ января 1854 г. (описаніе шквала), второй къ іюню того же года (фрегатъ сѣлъ на мели въ Татарскомъ проливѣ) ³⁾.

XI. Сотрудничество И. А. Гончарова въ сборникѣ „Братская Помощь“.

ноября 1875 г.

Многоуважаемый Андрей Александровичъ!

Вновь глубоко сожалѣю я, что у меня самого нѣтъ въ настоящее время ничего подходящаго изъ моихъ сочиненій для литературнаго сборника въ пользу славянъ ⁴⁾, но желая хоть косвенно оказать мое содѣйствіе этому благову дѣлу, я постарался найти лучшую меня замѣну—и старанія мои увѣнчались успѣхомъ.

Прилагаю при этомъ стихотвореніе графа А. К. Толстого ⁵⁾, сообщенное мнѣ, по просьбѣ моей, графиней С. А. ⁶⁾, его вдовой. „Земля цвѣла ⁵⁾. Въ лугу весной одѣтомъ ⁵⁾“... и т. д. ⁷⁾ Его можно бы было назвать „Лебединая пѣснь ⁵⁾“: оно послѣднее, написанное во время болѣзни. Послѣ онъ ничего не писалъ. Но я не уполномоченъ на это названіе. Самъ графъ, говорятъ, называлъ его, шутя, *морфиновымъ* ⁵⁾, т. е. писаннымъ въ то время, когда онъ началъ лечиться морфіемъ.

¹⁾ См. „Русская словесность“ А. В. Мезіера, ч. II, Спб., 1902, стр. 62—63;—Сборникъ второго отдѣленія Импер. Академіи Наукъ, т. LXXXVI. „Обзоръ трудовъ русскихъ писателей“ Д. Д. Языкова, вып. XI, Спб., 1909, стр. 27—41.—„Собраніе сочиненій С. А. Венгерова“, т. V, Спб., 1911, стр. 234—237.

²⁾ „Подснѣжникъ, журналъ для дѣтскаго и юношескаго возрастовъ, издаваемый В. Н. Майковымъ“, 1858, кн. 2, стр. 25—41, и кн. 3, стр. 2—25. Замѣтимъ кстаті, что Гончаровъ цензуровалъ „Подснѣжникъ“ за 1858—59 годы и за январь 1860-го года

³⁾ Первый разсказъ можно было бы помѣстить между III-ей и IV-ой главами, а второй въ концѣ VI-ой главы 2-ой части „Фрегата Паллада“.

⁴⁾ Т. е. предполагаемый къ печатанію, по предложенію В. И. Ламанскаго, сборникъ подъ заглавіемъ „Братская помощь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины“ (изд. петербургскаго отдѣла Славянскаго Комитета, Спб., 1876, въ типографіи А. А. Краевскаго).

⁵⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

⁶⁾ Графиня Софія Андреевна Толстая, урожденная Бахметева.

⁷⁾ См. это стихотвореніе въ „Полномъ собраніи сочиненій гр. А. К. Толстого“, изд. Маркса, т. I, Спб., 1907, стр. 435—436.

Посмотрите, какая это прелесть!

Въ этихъ нѣжныхъ, тихихъ, какъ шепотъ, звукахъ, въ невольныхъ, навѣянныхъ весною ощущеніяхъ, въ послѣднемъ вздохѣ умирающаго поэта высказывается творческая тайна его души. Какъ это глубоко таинственно и обаятельно!

При этомъ же письмѣ прилагаю еще небольшой очеркъ, одну черту характеристики самого поэта, но самую лучшую, свѣтлую черту его и личности и поэзіи. Это черта благородной симпатіи его къ правдѣ, гдѣ бы онъ ее ни находилъ. Лучше и проще выразить эту прекрасную черту души и поэзіи графа, кажется, нельзя, какъ это выражено въ небольшомъ очеркѣ, съ приведеніемъ многихъ стиховъ поэта, свидѣтельствующихъ объ этой чертѣ.

Авторъ очерка князь Д. Н. Цертелевъ ¹⁾ (родственникъ графа) сообщилъ мнѣ обязательно, по моему предложенію, эти страницы—для славянскаго же сборника.

Мнѣ казалось, что помѣщеніе въ одной книгѣ съ послѣднимъ стихотвореніемъ поэта, и этого, писаннаго такъ искренно, умомъ и чувствомъ, истолкованія лучшей стороны его личности—было бы очень уместно.

Впрочемъ, если бы комиссія по изданію сборника ²⁾ не раздѣлила этого моего мнѣнія относительно включенія очерка кн. Цертелева въ сборникъ, то я буду покорнѣйше просить Васъ, Андрей Александровичъ, по возможности, въ непродолжительномъ времени—препроводить мнѣ рукопись обратно для возвращенія автору—и вообще не оставитъ меня безъ отвѣта о распоряженіи комиссіи.

Прилагаю здѣсь же и записку ко мнѣ графини С. А., при которой доставлено мнѣ стихотвореніе ея мужа.

¹⁾ Кн. Дмитрій Николаевичъ Цертелевъ (1852—1911), докторъ лейпцигскаго университета, поэтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ философъ, посвятившій Шопенгауеру свои важнѣйшіе труды („Философія Шопенгауера, ч. I: теорія познанія и метафизика“, Спб., 1880; „Современный пессимизмъ въ Германіи, очеркъ нравственной философіи Шопенгауера и Гартмана, М., 1885; „Эстетика Шопенгауера“, Спб. 1888). Кн. Д. Н. Цертелевъ переписывался съ И. А. Гончаровымъ: см. его письмо объ „Обрывѣ“ и весьма любопытный отвѣтъ И. А. Гончарова на это письмо въ приложеніи къ „Новому Времени“ 24-го марта 1912 г., № 12943, стр. 16—18. См. также о немъ некрологическую статью Э. Радлова въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ новая серія, ч. XXXV, 1911, октябрь, современная лѣтопись, стр. 88—89

²⁾ Комиссія по изданію сборника „Братская Помочь“ состояла изъ А. Ѳ. Бычкова, Н. В. Гербея, Ѳ. М. Достоевскаго, А. А. Краевскаго, В. И. Ламанскаго, А. Н. Майкова, О. Ѳ. Миллера, А. В. Никитенки и Н. Н. Страхова; секретаремъ комиссіи былъ Н. А. Тизенгаузенъ (см. предисловіе къ „Братской Помочи“, стр. 7).

Конечно эта записка (такъ же какъ и мое письмо), не подлежа оглашенію, послужать комиссіи только, какъ документы, уполномачивающіе печатать стихотвореніе графа.

Въ случаѣ, если бы изданіе сборника почему-нибудь (чего Боже сохрани) не состоялось, я надѣюсь, что комиссія не забудетъ возвратить мнѣ стихи для передачи графинѣ.

Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности.

И. Гончаровъ.

29 ноября [1875 г.].

По отправленіи къ Вамъ, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, давеча въ торопяхъ отвѣта, я вторично взглянулъ въ Ваше письмо ко мнѣ—и съ удивленіемъ прочелъ, что Вы упоминаете о какой-то, доставленной будто мною *статьѣ о гр. Толстомъ и его стихотвореніи* ¹⁾.

Мнѣ приходитъ въ голову мысль: не прислана ли Вамъ какая-нибудь статья о графѣ, принятая Вами за мою? Ибо я кромѣ его стихотворенія „*Земля цвѣла*“ ¹⁾ и еще басни *Пруткова* ¹⁾—никакой статьи не доставлялъ.

Надѣюсь, письмо мое, которымъ сопровождалась эта доставка—отнюдь не можетъ и не должно считаться статьѣй, т. е. какимъ-нибудь литературнымъ истолкованіемъ поэзіи присланныхъ стиховъ.

Да тамъ и ничего нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ, довольно неясныхъ словъ о стихотвореніи, вырвавшихся у меня подъ вліяніемъ только что прочтенныхъ стиховъ. Это мое личное минутное впечатлѣніе, печати вовсе не подлежащее.

Если бы моя догадка была основательна, т. е. если бы Вы на мое безпорядочное письмо, сопровождавшее доставку стиховъ—взглянули, какъ на нѣчто въ родѣ статейки, могущей быть напечатанною при стихахъ—но позвольте Вамъ выразить мое *положительнѣйшее желаніе и убѣдительнѣйшую просьбу* ¹⁾ не давать никакого оглашенія ни моему письму, ни моему посредничеству ¹⁾ въ доставленіи сборнику этихъ стиховъ, т. е. просто *не упоминать во всемъ этомъ дѣлѣ моего имени* ¹⁾.

Я хлопоталъ единственно потому, что, не имѣя ничего дать своего, я хотѣлъ послужить дѣлу хоть косвенно и представить лучшую, вмѣсто себя, замѣну. Вотъ и все.

Вмѣшиваться мнѣ тутъ, какъ „дорожной мухъ“, вовсе не при-

¹⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

стало—и это умаляло бы заслугу графини, вдовы поэта—такъ усердно отозвавшейся на просьбу и *Сборника* ¹⁾ и Литтер[атурнаго] ²⁾ *фонда* ¹⁾ (чтеніе стиховъ на вечерѣ).

Надѣюсь, что Вы раздѣлите и вполнѣ уважите мои желанія.

Если же Вы скажете, что у Васъ ничего подобнаго въ виду не было, т. е. считать мое письмо за *статью* ¹⁾, тогда опять я спрошу, какую же *статью* ¹⁾ разумѣли Вы, которую я будто бы доставилъ, вмѣстѣ со стихами графа. Нѣтъ-ли тутъ какой-нибудь ошибки? Я *ничего* ¹⁾ не присылалъ *кромя стиховъ* ³⁾.—До удовольствія свиданія

Вашъ

Гончаровъ.

Суббота, 29 ноября [1875 г.].

Не могу сказать навѣрно—можно ли мнѣ завтра вечеромъ быть у Васъ, многоуважаемый Андрей Александровичъ, зане (какъ говорить К. Прутковъ) у всѣхъ почти знакомыхъ назначены свободными днями воскресенья—и мнѣ приходится по очереди бывать, то у тѣхъ, то у другихъ. Можетъ быть, если никуда не нужно идти, то приду къ Вамъ и съ удовольствіемъ.

Но какъ это не совсѣмъ вѣрно, и если Вы пожелаете меня видѣть, то я завтра же, по обыкновенію, буду дома отъ 3 до 5 часовъ до обѣда.

Кстати поспѣшаю при этомъ препроводить къ Вамъ стихотвореніе (изъ славянскихъ преданій), присланное мнѣ изъ Одессы

¹⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

²⁾ Такъ въ подлинникѣ.

³⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ: „кромя стиховъ“. Какъ это ни странно, но Гончаровъ, кажется, забылъ о томъ, что прислалъ А. А. Краевскому статью князя Д. Н. Цертелева.—Стихотвореніе гр. А. К. Толстого было напечатано въ „Братской Помочи“ (стр. 34—35) съ слѣдующей замѣткой редакціи: „Это стихотвореніе графа А. К. Толстого было написано имъ весною 1875 года, во Флоренціи, когда жизнь его уже близилась къ концу. Послѣ этого произведенія онъ не писалъ ничего. Это была его лебединая пѣснь [см. вышеприведенное письмо Гончарова], послѣдній поэтической помысль и вздохъ. Подъ вліяніемъ весеннихъ ощущеній, поэта, среди болѣзни и страданій, осѣнилъ внезапный покой; силы его на минуту ожили вмѣстѣ съ природой. Но онъ былъ уже чуждъ внѣшнему міру, или, по словамъ его, умеръ для „тревогъ“ и „злобы дня“ и остался только „чутокъ къ поэтическому трепету своей души“. Въ нѣжныхъ звукахъ лиры онъ высказалъ свою творческую тайну, угадавъ въ ней „соглашеніе творчества“ съ этимъ внезапно - нисшедшимъ на него „покоемъ“.—Статья кн. Д. Н. Цертелева была напечатана вслѣдъ за послѣднимъ стихотвореніемъ гр. А. К. Толстого („Братская Помочь“, стр. 36—39) подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ о графѣ А. К. Толстомъ“.

вчера Г-мъ *Хитрово*, авторомъ, для славянскаго сборника. Онъ генеральный русскій консулъ въ Константинополь и женатъ на племянницѣ графа Толстого.

Но это послѣднее обстоятельство не должно стѣснять издательскую комиссію, если она не найдетъ почему-либо нужнымъ печатать стихотвореніе ¹⁾

До свиданія
Вашъ
Гончаровъ.

ХІІ. Три письма И. А. Гончарова къ А. А. Краевскому, написанныя въ декабрѣ 1866-го года ²⁾.

1866 г., 21 декабря.

Дѣйствительно, я читалъ у И. М. Т. ³⁾ три отрывка, по просьбѣ графини, но это даже не отрывки, а выдержки, до того связанныя съ цѣлымъ, что при чтеніи я долженъ былъ дополнять связь разсказомъ о томъ, что находится въ романѣ, т. е. излагать почти всю задачу. Напечатать этого нельзя, или надо совсѣмъ иначе обработать эти статьи, а я еще не знаю самъ, какъ они ⁴⁾ должны выйти въ цѣломъ, котораго нѣтъ ⁵⁾.

Понедѣльникъ, 26-го декабря [1866 г.]

Я, кажется, нашелъ очень хорошее средство, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ—привести въ приличный видъ беллетристическій отдѣлъ *Отеч[ественныхъ] Записокъ* ⁶⁾ и желалъ бы,

¹⁾ Прилагаемое къ письму Гончарова стихотвореніе г. Хитрово не было напечатано въ сборникѣ „Братская Помочь“.

²⁾ Эти письма такъ же, какъ и предыдущія, входятъ въ собраніе писемъ къ А. А. Краевскому, находящихся въ Императорской Публичной Библиотекѣ.

³⁾ Можетъ быть у тогдашняго министра почтъ и телеграфовъ графа Ивана Матвѣевича Толстого, братъ котораго Теофиль Матвѣевичъ Толстой былъ членомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати одновременно съ Гончаровымъ въ 1866—67 годахъ. О гр. И. М. Толстомъ см. „Русскую Старину“, 1896, т. LXXXV, кн. 1, стр. 139—140, примѣчаніе 3. О Ѳ. М. Толстомъ см. отзывъ И. А. Гончарова въ его письмѣ къ кн. Д. Н. Цертелеву отъ 16-го сентября 1885 г. (Приложеніе къ „Новому Времени“ 24-го марта 1912 г., № 12943, стр. 18).

⁴⁾ Такъ въ подлинникѣ.

⁵⁾ Это „цѣлое“, о которомъ пишетъ здѣсь Гончаровъ, несомнѣнно неоконченный тогда романъ „Обрывъ“.

⁶⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

чтобъ Вы узнали короче ту личность и также повѣрили ей, какъ я вѣрю ея вкусу и образованію, а я давно ее знаю—и мысль о ней мнѣ пришла черезъ пять минутъ послѣ того, какъ Вы ушли. Но я однако же не откажусь отъ содѣйствія ей, на первыхъ порахъ по крайней мѣрѣ, пока Вы увидите, что дѣло идетъ и безъ меня. Самъ я боюсь за свои глаза и много читать не могу, особенно рукописей. Завтра или послѣ завтра—я зайду къ Вамъ часу въ первомъ на пять минутъ поговорить объ этомъ—прикажете впустить меня. А до тѣхъ поръ желаю Вамъ желаемого исхода изъ случившихся съ Вами тѣснотъ и остаюсь преданный ¹⁾.

И. Гончаровъ.

29-го декабря [1866 г.].

Будущая Ваша сотрудница, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, явится въ назначенное время, т. е. въ воскресенье. Она съ удовольствіемъ принимаетъ на себя знакомое ей дѣло, для котораго она изощрила вкусъ на чтеніи русской и еще четырехъ иностранныхъ литературъ ²⁾. Трудолюбіе же ея равняется трудолюбію и аккуратности Ефрема Ефр.—этимъ сказано все. Она также принимаетъ и условіе, т. е. 50 руб. въ мѣсяцъ, а если бы Вамъ понадобилась еще передѣлка компиляціи или переводы по части исторіи и литературы ³⁾, то она—великая мастерица и также положится и въ этихъ трудахъ, относительно вознагражденія, на добросовѣстную и опытную Вашу оцѣнку. Она очень скромна, робка и тогда только разговорится съ Вами, когда покороче познакомится.

Я хотѣлъ только предупредить Васъ, что если до воскресенья зайдетъ къ Вамъ ея родитель, то Вы скажите ему просто глухо, что я Вамъ говорилъ о его дочери, и что вѣроятно Вы будете посылать ей иностранныя книги для просмотра или извлеченія—вѣроятно, онъ послѣ этого и не будетъ мѣшать ей. А о томъ, чѣмъ собственно будетъ она заниматься, лучше ему не говорить. Она

¹⁾ Это письмо такъ же, какъ и слѣдующее, не представляетъ особеннаго интереса для исторіи русской литературы: оно приводится здѣсь лишь потому, что оно свидѣтельствуетъ объ одной хорошей чертѣ Гончарова, въ которой иногда сомнѣвались его биографы, именно о его услужливости. См. письмо къ А. Г. Тройницкому отъ 9-го іюня (1-го іюля) 1868 г., въ которомъ Гончаровъ хлопочетъ о назначеніи въ инспектрисы Николаевскаго Института бывшей у своихъ сестеръ гувернантки Варвары Луквишиной Лукьяновой; см. также письмо къ Аннѣ Александровнѣ Музалевской отъ 18-го апрѣля (вѣроятно 1878 г.), въ которомъ онъ предлагаетъ „попросить въ министерствѣ юстиціи...“ для своего племянника („Вѣстникъ Европы“ 1908, кн. 12, стр. 454 и стр. 444).

²⁾ Такъ въ подлинникѣ.

бы и вовсе ничего не сказала дома, и отъ нея трудно добыть—но нельзя вовсе скрыть отъ домашнихъ сношеній съ редакціей, и потому скажите глухо и неопредѣленно,—да тѣмъ и кончите.

Вѣдь онъ это такъ, отъ праздности вмѣшается куда не нужно, а потомъ и потонетъ опять въ своемъ всеобъемлющемъ равнодушіи и лѣни.

Мнѣ сегодня Туруновъ ¹⁾ сказывалъ, что Вы послѣдовали моему совѣту повидаться съ А. Г. Тр. ²⁾, и остались довольны. И я очень доволенъ и буду доволенъ вполне, когда Вы добьетесь желаемого результата и успокоитесь.

Въ самомъ скоромъ времени явится къ Вамъ и Некрасовъ, который продолжаетъ злобствовать за понесенный Вами погромъ и убытки ³⁾.

До свиданія.

Вашъ

И. Гончаровъ.

ХІІІ. И. А. Гончаровъ лѣтомъ 1873 г.

4 іюля [1873 г.].

Я съ перваго числа аккуратно получаю *Голосъ*: за то, что не забыли желаніе старика—да благословить Васъ Св. Андрей Критскій—съ днемъ котораго нынѣ Васъ привѣтствую.

Вашъ

Гончаровъ.

¹⁾ Михайль Николаевичъ Туруновъ, членъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати.

²⁾ Такъ въ рукописи.—Гончаровъ имѣетъ несомнѣнно въ виду тогдашняго Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ А. Г. Тройницкаго.

³⁾ Гончаровъ намекаетъ, по всей вѣроятности, на неприятныя дѣла А. А. Краевскаго съ цензурою. См. рассказъ о дѣлѣ И. В. Острикова въ „Запискахъ и дневникѣ“ А. В. Никитенки, т. II, Спб., 1905, стр. 272—275, и въ особенности, на стр. 272, подробное примѣчаніе М. К. Лемке. Въ этомъ дѣлѣ Гончарову пришлось сильно стыдиться своей работы: „Съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, писалъ А. В. Никитенко 16-го января 1866 г., что сдѣлаетъ судъ по дѣлу Краевскаго. Самъ товарищъ министра видитъ большой промахъ въ этомъ дѣлѣ со стороны министерства. Онъ съ жаромъ выговаривалъ это** [Гончарову], который былъ тутъ же и отвѣчалъ, что же ему было дѣлать? У него ни горла, ни легкихъ не хватило кричать противъ рѣшенія совѣта, да и при томъ, какъ тутъ поступать, когда дѣлается внушеніе свыше, т. е. со стороны министра. Тройницкій сильно напалъ на это послѣднее выраженіе. Мнѣ даже жаль стало бѣднаго** [Гончарова]“. „Записки и дневникъ“ А. В. Никитенки, т. II, стр. 274).

7 іюля [1873 г.].

Съ 15-го іюня и до 15-го іюля—тянутся печальные дни моего покаянія, поста и расплаты за весь годъ.

.... Неволя и затворничество мое кончаются 15-го іюля при послѣднемъ стаканѣ Крейцбрунна, но постъ будетъ продолжаться до августа и совпадетъ съ Успенскимъ постомъ. Ни ягоды, ни огурца, ни фрукта никакого, а также и ни пирога вообще, а имениннаго въ особенности.

Горькая участь, не позволяющая мнѣ отлучиться отъ дома на 20 верстъ до Павловска и воздать подобающую честь Вашимъ да и роднымъ пенатамъ и между прочимъ Святому Андрею Критскому.

Всячески и много кланяюсь.

Вашъ

Гончаровъ.

XIV. Отношеніе И. А. Гончарова къ своимъ произведеніямъ въ письмахъ къ В. В. Стасову.

17 августа 1882 г.

Въ отвѣтъ на Вашъ вопросъ, поспѣшаю сообщить Вамъ, многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ ¹⁾, что изъ моихъ сочиненій переведенъ на нѣмецкій языкъ, не знаю кѣмъ, кажется, только одинъ „Обломовъ“. Этотъ переводъ я видѣлъ лѣтъ 12 тому назадъ, гдѣ-то въ Германіи, въ витринѣ книгопродавца ²⁾.

Къ этому прибавлю, что ко мнѣ обращались не разъ, между прочимъ кто-то въ Петербургѣ, за разрѣшеніемъ на переводъ и другихъ моихъ сочиненій, и особенно „Обрыва“. Я всѣмъ давалъ одинъ отвѣтъ: что „разрѣшать“ переводъ я считаю очень не скромнымъ со стороны автора, а „запрещать“ не признаю за собой никакого права и такимъ образомъ предоставляю гг. переводчикамъ поступать относительно перевода моихъ сочиненій, какъ имъ заблагоразсудится ³⁾.

¹⁾ Владиміръ Васильевичъ Стасовъ, бібліотекаръ художественнаго отдѣленія Императорской Публичной Библіотеки. Приведенныя здѣсь письма Гончарова къ нему хранятся въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

²⁾ Гончаровъ имѣетъ несомнѣнно въ виду слѣдующій переводъ „Obломow, russisches Lebensbild. Deutsch von B. Horgsky“. Vol. I—II, Leipzig, 1868.

³⁾ Таково въ самомъ дѣлѣ было всегда отношеніе Гончарова къ переводчикамъ его сочиненій. См., на примѣръ, хранящіяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ два его письма къ В. Cordte, изъ Юрьева, по поводу предполагаемаго нѣмецкаго перевода „Литературнаго вечера“. (Имп. Публ.

Вообще я полагаю, что переводъ русскихъ сочиненій чисто національнаго характера, мало извѣстнаго за границею, не заинтересуетъ европейскихъ читателей: такъ, на примѣръ, фигура „Обломова“, или т. п. типа, имъ покажется едва понятною и мало занимательною ¹⁾).

По этому я и отношусь къ попыткамъ передавать на иностранные языки русскихъ беллетристовъ довольно равнодушно.

Во всякомъ случаѣ благодарю Васъ за любезное посредство и прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

И. Гончаровъ.

27-го октября 1888 г.

Многоуважаемый

Владиміръ Васильевичъ!

Вы такъ категорически заявили желаніе получить отъ меня для храненія въ Императорской Публичной Библіотекѣ какія-нибудь черновыя рукописи моихъ, уже напечатанныхъ сочиненій, что я, послѣ довольно энергическаго возраженія, наконецъ уступилъ. „Не спорь съ В. Стасовымъ“ завѣщаль Тургеневъ ²⁾—и „злу не противься“, поучаетъ графъ Левъ Толстой. Я и не спору болѣе между прочимъ потому, что я слишкомъ слабый противникъ для Васъ, и у Васъ, конечно, на „беззащитныя сѣдины не поднялася бы рука“. Не „противлюсь и злу“, потому что особеннаго зла въ Вашемъ требованіи не вижу, кромѣ только того, что не совсѣмъ понимаю причину этого требованія. Не исполнить послѣднее—даже довольно трудно: это все равно, если бъ Вы попросили у меня стараго изношеннаго платья—и я бы отказалъ, а старая рукопись—не то же ли самое, что изношенное платье? Когда-то давно покойный

Библ., 12—VIII—2718). См. также письмо, или вѣрнѣе пересказъ письма Гончарова къ Teodor de Wyzewa въ сборникѣ статей Teodor de Wyzewa: „Ecrivains étrangers. Deuxième série“, Paris, 1897, стр. 207—208.

¹⁾ Князь П. Кропоткинъ держится противоположнаго мнѣнія о „національномъ характерѣ“ Обломова. „Несомнѣнно, пишетъ онъ, что *обломовщину* нельзя разсматривать, какъ расовую болѣзнь. Она существуетъ на обонхъ континентахъ и подъ всѣми широтамц...“ См. „Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ“ П. Кропоткина, переводъ В. Батуринскаго, съ англійскаго, подъ редакціей автора, Спб., 1907, стр. 176.

²⁾ Гончаровъ намекаетъ здѣсь очевидно на только что опубликованное тогда письмо И. А. Тургенева къ В. В. Стасову отъ 15/27-го января 1875 г. См. „Сѣверный Вѣстникъ“, 1888, кн. 10, стр. 172.

профессоръ Никитенко тоже предложилъ мнѣ представить въ публичную бібліотеку одну изъ моихъ рукописей—и на мое удивленіе и на мой вопросъ „зачѣмъ“ не могъ отвѣчать опредѣлительно.

Другое дѣло рукописи—Крылова, Пушкина, Грибоѣдова, Лермонтова—и подобныхъ имъ, просвѣтителей и пролагателей новыхъ путей въ литературѣ, могучихъ пионеровъ русскаго слова—ихъ рукописи и любопытны, и иногда нужны для сличенія вариантовъ и т. д. У Пушкина—этого отца русскаго искусства въ словѣ¹⁾ было два прямыхъ наслѣдника—Лермонтовъ и Гоголь, породившіе цѣлую плеяду насъ, дѣятелей 40-хъ, 60-хъ годовъ, съ Островскимъ, Тургеневымъ, Писемскимъ, Салтыковымъ и т. д. А затѣмъ уже начался (говоря астрономически) млечный путь, цѣлый безконечный хвостъ, который тянется и до днесь. „Что думается мнѣ, если бы всѣ эти дѣятели слова нанесли свои черновыя рукописи въ Публичную Библіотеку—стѣны ея не вмѣстили бы такого архива“; пришлось бы строить зданіе за зданіемъ. Этому „злу“, кажется мнѣ, можно и должно воспротивиться.

Какъ бы то ни было, но я исполняю, какъ видите, Ваше требованіе и даже, по выраженному Вами же желанію, прилагаю и мою *карточку-портретъ*²⁾ къ моимъ рукописямъ—все это подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ и именно: чтобы, вмѣстѣ съ рукописями, хранить и это мое письмо къ Вамъ, *какъ свидѣтельство, что я не самъ, самолюбиво, съ претензіей постучался въ двери бібліотеки и принесъ свои рукописи, и побужденъ былъ къ тому Вашимъ желаніемъ*³⁾, стало быть желаніемъ отчасти самой Библіотеки, ибо Вы составляете ея часть, будучи бібліотекаремъ. Если со временемъ появленіе въ ней моихъ рукописей будетъ сочтено неумѣстнымъ—я желалъ бы, чтобы отвѣтственность за то пала не на меня.

Прилагаю при этомъ:

1. Черновую, собственноручную мою рукопись *Обломова*, всю за исключеніемъ главы *Сонъ Обломова*³⁾. Эта глава была напечатана, въ видѣ отрывка, въ *Литературномъ Сборникѣ*³⁾, изданномъ при

¹⁾ Ср. слова Гончарова въ его автобіографіи: „Живѣе и глубже всѣхъ поэтовъ пораженъ и увлеченъ былъ Гончаровъ поэзіей Пушкина въ самую свѣжую и блистательную пору силы и развитія великаго поэта и въ поклоненіи своемъ остался вѣренъ ему навсегда, несмотря на позднѣйшее, тѣсное знакомство съ корифеями французской, нѣмецкой и англійской литературъ“ („Русская Старина“, 1911, т. СХLVIII, кн. 10, стр. 38).

²⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

³⁾ Курсивъ нашъ.—Литературный сборникъ съ иллюстраціями издавъ редакціей „Современника“, Спб., въ тип. Эдуарда Праца, 1849, стр. 211—252: Сонъ Обломова, эпизодъ изъ неоконченнаго романа И. А. Гончарова.

Современникъ ¹⁾, въ 1848 или 1849 году—*не помню* ¹⁾, и отъ того вѣроятно была вынута изъ черновой рукописи. Вся рукопись конечно подверглась кореннымъ измѣненіямъ въ печати, какъ видно изъ поправокъ и безчисленныхъ измѣненій въ текстѣ. Между прочимъ тутъ въ черновой первой части есть какое-то вводное лицо *Почаевъ* ¹⁾, которое во 2-й части исчезаетъ; его нѣтъ и въ печатномъ романѣ.

Обломовъ ¹⁾ начатъ былъ въ 1846-мъ году ²⁾, когда я сдалъ въ редакцію *Современника* ¹⁾ первый романъ *Обыкновенную Исторію* ¹⁾. Написавъ первую часть—я отложилъ ее въ сторону—и не касался продолженія до 1857-го года. Въ промежутокъ этотъ я плавалъ вокругъ свѣта, возилъ и 1-ю часть *Обломова* ¹⁾ съ собой, но не писалъ, а обрабатывалъ въ головѣ, и параллельно ³⁾ обдумывалъ и другой романъ *Обрывъ* ¹⁾, планъ котораго родился у меня въ 1849-мъ году на Волгѣ, гдѣ я провелъ лѣто. Уже въ 1857-мъ году, когда я поѣхалъ на воды, я кончилъ 2-ю, 3-ю и 4-ю части *Обломова* ¹⁾ за одинъ присѣсть, въ *Мариенбадѣ* ¹⁾, гдѣ оставался, противъ правилъ, около 2-хъ мѣсяцевъ—и только послѣднія главы окончилъ зимой въ Петербургѣ.—Вотъ исторія писанія *Обломова* ¹⁾.

¹⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

²⁾ Можетъ быть „Обломовъ“ былъ задуманъ въ 1846 г., но едва-ли онъ былъ начатъ тогда. Память, по всей вѣроятности, измѣнила Гончарову. Ср. то, что онъ самъ писалъ въ „Русскомъ Художественномъ Листкѣ“ Тимма въ 1859 г.: „Въ 1845 и 1846 году онъ (т. е. Гончаровъ) написалъ романъ *Обыкновенная исторія*, который былъ помѣщенъ въ февральской и мартовской книжкахъ „Современника“ 1847 года. Въ 1848 году задумалъ планъ большаго романа „Обломовъ“ и написалъ въ 1849 году первую часть...“ Ср. также статью „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ (Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова, изд. Маркса, Спб., 1899, т. I, стр. 43—44): „Въ началѣ 40-хъ годовъ, когда задумывался и писался этотъ романъ, я еще не могъ вполне ясно глядѣть въ слѣдующій періодъ, который не наступалъ, но предчувствія котораго жили уже во мнѣ, потому что *вскорѣ послѣ напечатанія*, въ 1847 году въ „Современникѣ“, *Обыкновенной Исторіи*—у меня въ умѣ былъ готовъ планъ *Обломова*, а въ 1848 г. (или 1849 г.—*не помню*) я помѣстилъ въ „Иллюстрированномъ Сборникѣ“ и „Сонъ Обломова“—эту увертюру всего романа.. Ср. также: „Тутъ [въ 1849 г.] толпой хлынули ко мнѣ старыя знакомыя лица, я увидѣлъ еще не отжившій патриархальный бытъ, и вмѣстѣ новыя побѣги, смѣсь молодого со старымъ. Сады, Волга, обрывы Поволжья, родной воздухъ, воспоминанія дѣтства—все это залегло мнѣ въ голову и почти *мышало кончатъ* „Обломова“, *котораго написана была первая часть*, а остальные гнѣздились въ головѣ...“ (Тамъ же, стр. 39).

³⁾ Такъ въ рукописи.

⁴⁾ Ср. вышеуказанныя мѣста статьи „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ и автографъ Гончарова.

2. *Литературный вечер*¹⁾. Прилагается тоже черновая моя рукопись этого рассказа, который был напечатанъ въ журналѣ *Русская рѣчь*²⁾—не помню въ которомъ году³⁾. А потомъ помѣщено въ полномъ собраніи моихъ сочиненій.

3. Прилагаю также нѣсколько главъ изъ *Обрыва*¹⁾. Но откровенно говоря, я желалъ бы, чтобъ это не оставалось въ Библиотекѣ: эта рукопись *подлежитъ уничтоженію*¹⁾. Я посылаю ее *на всякій случай, на ваше усмотрѣніе*¹⁾. Это сборъ переписанныхъ другими лицами и исправленныхъ мною главъ изъ разныхъ мѣстъ романа, есть тутъ между прочимъ и лишнія, не вошедшія въ печатный текстъ главы; есть и одинъ печатный вырѣзокъ изъ „Современника“, гдѣ была, въ видѣ отрывка, напечатана одна изъ главъ романа²⁾ задолго до появленія (кажется въ 60-хъ годахъ) цѣлаго въ *Вѣстникъ Европы*¹⁾ 1869 года.

Вотъ все, чѣмъ могу отвѣтить на Ваше приглашеніе, многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ, представить въ бібліотеку мои черновыя рукописи. Да не осудятъ меня въ самомиѣніи и нескромности. У меня ихъ нѣтъ.

Примите выраженіе моего искренняго къ Вамъ уваженія и преданности.

Иванъ Гончаровъ.

Мы не собираемся дать здѣсь подробнаго разсмотрѣнія этихъ рукописей, несомнѣнно представляющихъ очень большой интересъ. Читатель найдетъ относящійся къ этому матеріалъ въ подготавливаемомъ къ печати нашемъ общемъ этюдѣ о Гончаровѣ.

А. А. Мазонъ.

¹⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

²⁾ „Литературный вечеръ“ былъ напечатанъ впервые въ „Русской Рѣчи“ за 1880 г., кн. 1, стр. 1—89. Оно помѣчено сентябрь 1877 г.

³⁾ „Современникъ“, 1860, т. LXXIX, кн. 2, стр. 409—454: „Софья Николаевна Бѣловодова (пять главъ изъ романа: *Эпизоды изъ жизни Райскаго*)“. Отрывокъ подписанъ: Ив. Гончаровъ, и помѣченъ 1859-мъ годомъ.